

УДК 930:328(410):94:327((47+57)+438)«1921»

РИЖСКАЯ ГРАНИЦА В ОЦЕНКАХ БРИТАНСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КРУГОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920-х ГГ.

Е. Н. ДУБРОВКО¹⁾

¹⁾Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины,
ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Проанализированы оценки, которые давали представители правительственные кругов Великобритании итогам польско-советского территориального размежевания, зафиксированного в тексте Рижского мирного договора 1921 г. Выявлено, что в преддверии мирных переговоров в Риге притязания Польши на значительное продвижение ее границ в восточном направлении негативно характеризовались британскими политиками. Линия рижской границы оценивалась скептически, рассматривалась как возможная только в условиях временной слабости РСФСР. Установлено, что британскими политиками не исключался вариант пересмотра линии рижской границы с учетом позиции советской стороны при заключении общеевропейского соглашения в Генуе в 1922 г. Показано, что при принятии решения об отказе от ратификации Женевского протокола 1924 г. одним из доводов стала оценка региона рижской границы как потенциальной зоны конфликта в Европе, вовлечения в который Великобритания стремилась избежать.

Ключевые слова: Рижский мир 1921 г.; Великобритания; Польша; советская Россия; граница; международные отношения.

РЫЖСКАЯ МЯЖА Ў АЦЭНКАХ БРЫТАНСКИХ УРАДАВЫХ КОЛАЎ У ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ 1920-х ГГ.

А. М. ДУБРОЎКА^{1*}

^{1*}Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны,
вул. Савецкая, 104, 246019, г. Гомель, Беларусь

Прааналізаваны ацэнкі, якія давалі прадстаўнікі ўрадавых колаў Вялікабрытаніі вынікам польска-савецкага тэ-рытарыяльнага размежавання, зафіксаванага ў тэксле Рыжскага мірнага дагавора 1921 г. Выяўлена, што напярэдадні мірных перамоў у Рызе дамаганні Польшчы на значнае прасоўванне яе меж ва ўсходнім кірунку негатыўна ха-рактарызаваліся брытанскімі палітыкамі. Лінія рижскай мяжы ацэньвалася скептычна, разглядалася як магчымая толькі ва ўмовах часовай слабасці РСФСР. Устаноўлена, што брытанскімі палітыкамі не выключаўся варыянт перагляду лініі рижскай мяжы з улікам пазіцыі савецкага боку пры заключэнні агульнаеўрапейскага пагаднення ў Генуі ў 1922 г. Паказана, што пры прыняціі рашэння аб адмове ад ратыфікацыі Жэнэўскага пратакола 1924 г. адным з довадаў стала ацэнка рэгіёна рижскай мяжы як патэнцыйнай зоны канфлікту ў Еўропе, уцягвання ў які Вялікабрытанія імкнулася пазбегнуць.

Ключавыя слова: Рыжскі мір 1921 г.; Вялікабрытанія; Польшча; Савецкая Расія; мяжа; міжнародныя адносіны.

Образец цитирования:

Дубровко ЕН. Рижская граница в оценках британских правительенных кругов в первой половине 1920-х гг. *Журнал Белорусского государственного университета. История*. 2021;2:29–38.

<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-29-38>

For citation:

Dubrouka AM. The Riga border in the assessments of the British government circles in the first half of the 1920s. *Journal of the Belarusian State University. History*. 2021;2: 29–38. Russian.
<https://doi.org/10.33581/2520-6338-2021-2-29-38>

Автор:

Елена Николаевна Дубровко – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета.

Author:

Alena M. Dubrouka, PhD (history), docent; associate professor at the department of general history, faculty of history.
dubrovko@gsu.by

THE RIGA BORDER IN THE ASSESSMENTS OF THE BRITISH GOVERNMENT CIRCLES IN THE FIRST HALF OF THE 1920s

A. M. DUBROUKA^a

^aFrancisk Skorina Gomel State University,
104 Savieckaja Street, Homiel 246019, Belarus

The article analyses the assessments given by the representatives of Great Britain government circles to the results of the Polish-Soviet territorial division, installed in the text of the Riga Peace Treaty of 1921. It is revealed, that on the eve of Riga peace negotiation British politicians negatively characterised Poland's claims to significant advance of its borders in the eastern direction. The line of the Riga border was assessed skeptically, considered as possible only in the conditions of the RSFSR temporary weakness. It is established that British politicians did not exclude Riga border line revising, taking into account the position of the Soviets at the conclusion of the pan-European agreement in Genoa in 1922. It is shown that when deciding not to ratify the Geneva Protocol of 1924, one of the arguments was the assessment of the Riga border region as a potential conflict zone in Europe, in which the UK sought to avoid involvement.

Keywords: Riga Peace Treaty of 1921; Great Britain; Poland; Soviet Russia; border; international relations.

Введение

В современной белорусской исторической науке существует постоянный интерес к тематике, связанной с польско-советской войной и ее последствиями. Это вполне оправданно, поскольку для белорусского народа в XX в. данные события оказались судьбоносными, предопределив многолетнее разделение на западную и восточную части линией, установленной Рижским миром. Последствия этого раздела не были преодолены и после воссоединения в 1939 г., а факт существования рижской границы стал опасным для белорусского государства прецедентом, периодически упоминаемым в политических дискуссиях. Все это придает несомненную актуальность дальнейшей разработке проблемы польско-советской войны и Рижского мирного договора отечественными исследователями, появлению значительных работ по данной тематике в последние годы [1]. Большое внимание этим событиям в истории межгосударственных отношений уделяют также современные российские и польские историки, анализируя их в контексте государственных интересов своих стран [2]. При этом не все аспекты проблемы Рижского мирного договора нашли одинаковое отражение в исследованиях историков: если российский, польский и германский факторы истории Центрально-Восточной Европы начала 1920-х гг. получают все более полное освещение благодаря работе отечественных исследователей [3–5], то анализу более широкого международного аспекта

та, позиций и политики ведущих европейских держав того времени, в частности Великобритании, принимавшей активное участие в решении вопросов послевоенного устройства Европы на рубеже 1910–20-х гг., уделено гораздо меньше внимания. Цель настоящей статьи – выявить содержание и характер оценок, которые давали представители правительственные кругов Великобритании в первой половине 1920-х гг. итогам польско-советского территориального размежевания, зафиксированного в тексте Рижского мирного договора. Задачи статьи – раскрыть характер оценки территориальных претензий Польши в канун мирных переговоров в Риге со стороны правительенных кругов Великобритании; охарактеризовать точку зрения британских политиков на линию границы, зафиксированную в тексте Рижского мирного договора; выявить позицию представителей правительенных кругов Великобритании по отношению к рижской границе в ходе подготовки и проведения Генуэзской конференции; показать роль оценки ситуации в регионе рижской границы правительственными кругами Великобритании в определении их позиции по отношению к Женевскому протоколу 1924 г.

Источниками для написания статьи послужили как опубликованные документы [6–11], так и неопубликованные архивные материалы, а также электронные материалы Национального архива Великобритании.

Основная часть

После окончания Парижской мирной конференции линия восточной границы Польши, указанная в декабрьской декларации 1919 г. и проходившая от северной границы Сувалкского повета до точки,

расположенной на уровне г. Хелма на юге, с исключением Гродно и Бреста из состава Польши, характеризовалась членами Кабинета Великобритании (далее – Кабинет) только как «граница, предписанная

Польше Верховным советом¹ (Верховный совет Антанты, включавший представителей Великобритании, Франции, США, Италии и Японии. – Е. Д.). Нахождение польских войск к востоку от этой линии рассматривалось как временное обстоятельство, вызванное состоянием войны с советской Россией². Данная линия не оценивалась как окончательно установленная польско-советская граница. В палате общин, отвечая на обращения депутатов, премьер-министр Д. Ллойд Джордж весной 1920 г. говорил о том, что граница между Польшей и советской Россией не была зафиксирована³. При этом британский Кабинет всячески избегал предания гласности своей позиции по вопросу о допустимости претензий Польши на территории, расположенные восточнее указанной союзными державами линии. По этой причине представителям Кабинета в палате общин весной – летом 1920 г. пришлось выдержать целый ряд нападок со стороны депутатов-лейбористов и близкой к ним части либералов⁴. Однако для Польши британская позиция была очевидна, так как еще в январе 1920 г. Д. Ллойд Джордж заявил польскому министру иностранных дел Ст. Патеку, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва мира между ней и советской Россией станет попытка удержать территории восточнее линии, предложенной мирной конференцией в Париже, присутствие польских войск к востоку от нее рассматривалось как незаконное [6, р. 803–805]. Из донесений польского посланника в Лондоне весной 1920 г. также становилось понятно, что претензии Польши на территории к востоку от указанной союзными державами линии вызвали возмущение в среде британских правительственные кругов [10, с. 561–563, 608–610]. Более того, британский посланник Г. Рамболд прямо заявил Ст. Патеку, что, если советская Россия примет границу по линии 1772 г., а затем нарушит соглашение и нападет на Польшу, Великобритания не окажет помощи последней [7, р. 245–246].

В конце лета 1920 г. в условиях активного продвижения польских войск к востоку от рекомендованной союзниками линии, после британской

ноты от 11 июля 1920 г. вошедшей в историю как «линия Керзона», британское внешнеполитическое ведомство в своем меморандуме о политической ситуации в Польше по-прежнему отмечало, что выход польских войск на территорию, принадлежавшую бывшей Российской империи, нежелателен [12, с. 254]. Оно рекомендовало Польше не претендовать на занимаемые земли. В частности, глава Форин-офиса инструктировал Г. Рамболда «подталкивать польское правительство не отказываться от разумных и приемлемых мирных предложений» [7, р. 508–509].

За ходом мирных переговоров в Минске и Риге британские политики наблюдали довольно пристально: тема переговоров поднималась на заседаниях парламента⁵, находила отражение в меморандумах, представленных на заседаниях Кабинета⁶. Однако Великобритания проявляла значительную осторожность, стремясь обезопасить себя от возможных упреков союзников, прежде всего Франции, в реализации собственной политики в регионе, в то время уже направленной на налаживание экономических отношений с РСФСР. Об этом красноречиво свидетельствует тот факт, что на запрос С. Таллентса от 10 сентября 1920 г. Кабинет ответил, что ему не стоит формально принимать советскую делегацию в Риге или предпринимать иные шаги, которые могут быть расценены как официальное признание, но необходимо поддерживать с участниками переговоров контакты, помогавшие бы следить за их ходом⁷.

Зафиксированная в прелиминарном договоре линия границы означала отказ Польши от «линии Керзона», которая была охарактеризована ею как «ничем не обоснованная»⁸, что однозначно шло вразрез с рекомендациями Великобритании. Это было явное дипломатическое поражение островной державы, стремившейся к стабилизации в Центрально-Восточной Европе, необходимой на тот момент для налаживания экономических связей. Более того, осенью 1920 г. депутаты палаты общин неоднократно указывали на поступавшую информацию о продолжающихся военных действиях

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Д.

²Boundaries (supreme council). 6 May 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/may/06/boundaries-supreme-council> (date of access: 13.01.2021).

³Poland and Czechoslovakia. 1 March 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/01/poland-and-czechoslovakia> (date of access: 12.01.2021).

⁴Poland. 8 March 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/08/poland> (date of access: 10.01.2021); Frontiers. 8 June 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jun/08/frontiers> (date of access: 10.01.2021).

⁵Soviet Russia and Poland. 11 November 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1920/nov/11/soviet-russia-and-poland> (date of access: 13.01.2021); Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 13.01.2021); Peace negotiations. 29 November 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/nov/29/peace-negotiations> (date of access: 13.01.2021).

⁶The situation in Mesopotamia. Memorandum by the Secretary of State for War. 10 December 1920 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7736775> (date of access: 10.01.2021).

⁷Conclusions of the meeting of the Cabinet, held at 10 Downing str. 14 September 1920 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7652596> (date of access: 10.01.2021).

⁸Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 : w 2 t. T. 1. 1918–1932 / red.: T. Jędruszcza [i in.]. Warszawa : Pax, 1989. S. 103–107.

в регионе польско-советского пограничья, о несоблюдении линии границ, зафиксированной в тексте прелиминарного мирного договора⁹. В аналитическом обзоре британского ведомства внутренних дел за октябрь 1920 г. даже допускалось, что поляки полностью не доверяют обещаниям советской стороны, и достигнутое соглашение – просто «маска, чтобы прикрыть их антибольшевистские переговоры с генералом Булаховичем и Врангелем»¹⁰. Наблюдение за ходом переговоров в Риге, поступавшие оттуда донесения не позволяли представителям британских правительственные кругов воспринимать переговорный процесс как стабильный, а линию границы – как окончательно принятую самими участниками переговоров.

Дипломатическое поражение британского Кабинета в вопросе польско-советского разграничения вызвало нападки со стороны оппозиции. Уже 25 октября перед премьер-министром Д. Ллойд Джорджем в палате общин одним из его оппонентов, либералом Дж. Кенворси, был поставлен довольно каверзный вопрос о возможности признания и гарантирования Великобританией восточных границ Польши в том виде, «как они очерчены в русско-польском договоре в Риге»¹¹. При этом выступавший ссылался на ст. 10 Устава Лиги Наций, гласившую, что «члены Лиги обязуются уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства»¹². Премьер-министру пришлось вновь мастерски прибегнуть к тактике ухода от ответа, заявив, что до подписания мирного договора, его ратификации и регистрации Секретариатом Лиги Наций в соответствии со ст. 18 упомянутого устава «этот вопрос не может подниматься»¹³. В ходе парламентских прений в период рижских переговоров Д. Ллойд Джордж регулярно во всеуслышание

подчеркивал ответственность договаривающихся сторон за их результаты¹⁴, не допуская возможности разделить ее с союзными державами. Он настоятельно повторял, что линия границы, о которой польская и советская стороны договорились самостоятельно, расположена гораздо восточнее линии, рекомендованной союзниками¹⁵.

Анализ ситуации в регионе западных границ России и оценку обстановки на рижской границе можно найти в декабрьском меморандуме 1920 г. главы военного ведомства У. Черчилля. Автор пишет, что Польша навязала России мир, который «дает полякам больше территории, чем союзники были готовы им предоставить». Более того, она сама считает мир лишь передышкой. Вторая сторона, подписавшая договор, тоже не вызывала доверия британского политика: «...маловероятно, что они (советское правительство. – Е. Д.) готовы пожертвовать своей целью мировой революции, которую они стремятся реализовать посредством пропаганды и вооруженного натиска в случаях, где это возможно». Кроме того, Польша мешала торговле между Германией и Россией, что также являлось предпосылкой возобновления острой фазы конфликта. У. Черчилль высказывал предположение, что агрессором станет Россия, воспользовавшись готовым *casus belli* – поддержкой Польши «украинского и белорусского движения». Он отмечал, что ресурсы Великобритании в текущий момент недостаточны для того, чтобы поучаствовать в оказании помощи Польше в случае советского нападения, потому рекомендовал использовать все возможные средства, чтобы не допустить «агgressивной и последовательно глупой политики» со стороны Польши¹⁶. В своих опасениях относительно нового витка вооруженной борьбы в регионе рижской границы военное ведомство было не одиноко. В обзоре революционного движения оно указывало, что получает информацию о подготовке к новой атаке на Польшу весной 1921 г., а также о концентрации советских войск на польской границе¹⁷.

⁹Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 13.01.2021).

¹⁰A monthly review of revolutionary movements in British dominions overseas and foreign countries, No. 24, October 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 1201–2200. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7736692> (date of access: 13.01.2021).

¹¹Poland (eastern frontiers). 25 October 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers> (date of access: 15.01.2021).

¹²Устав Лиги Наций. 10 января 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.doc20vek.ru/node/451> (дата обращения: 15.01.2021).

¹³Poland (eastern frontiers). 25 October 1920 [Electronic resource]. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers> (date of access: 15.01.2021).

¹⁴Polish attacks. 22 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (date of access: 15.01.2021).

¹⁵Peace negotiations. 29 November 1920 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/commons/1920/nov/29/peace-negotiations> (date of access: 15.01.2021).

¹⁶Appendix E. The military situation created by recent events in Russia, Caucasia, Turkey and Greece to Memorandum by the Secretary of State for War, 10 December 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 2201–2300 inclusive. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-116.pdf> (date of access: 15.01.2021).

¹⁷A monthly review of revolutionary movements in British dominions overseas and foreign countries, No. 26, December 1920 [Electronic resource] // List of Cabinet papers, Nos. 2401–2500. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-118.pdf> (date of access: 15.01.2021).

В свете поступавших в распоряжение Кабинета меморандумов становится понятно, почему отсутствие доверия со стороны британских политиков к итогам рижского территориального урегулирования в конце 1920 г. не смогли преодолеть даже попытки Польши, понимавшей экономические интересы англичан, выторговать у Великобритании гарантию рижской границы в обмен на предоставление преференций для предприятий союзников и договоренность об ограничении транзита из России в Германию [7, р. 626–629, 658–660]. Эти предложения Польши были отвергнуты [7, р. 698–699].

В начале 1921 г. представители британских правительственные кругов продолжали воспринимать ситуацию на польско-советском пограничье как крайне нестабильную. Об этом говорит меморандум военного ведомства, представленный уже после подписания Рижского мирного договора и повторявший вышеуказанные риски и рекомендации в отношении региона рижской границы¹⁸. В соответствии с этими рекомендациями британский Форин-офис отказал в просьбе гарантировать рижскую границу, поступившей от польского министра иностранных дел в феврале 1921 г. Вместо этого Польше было предложено зарегистрировать Рижский мирный договор в соответствии с Уставом Лиги Наций, что давало возможность получить обязательство со стороны этой организации защищать целостность Польши [7, р. 719–722]. Британские политики приводили еще один аргумент в качестве оправдания отказа от гарантирования рижской границы: без согласования с союзниками Великобритания не может высказать свое мнение, равно как и повлиять на решение подобных вопросов в одиночку [9, р. 193–194, 207–208]. Все это позволяло им занять в 1921 г. излюбленную выжидательную позицию по отношению к вопросам о признании и гарантировании рижской границы.

Сkeptическое восприятие британскими правительственными кругами рижской границы, которая не рассматривалась как стабильный элемент международных отношений в Центрально-Восточной Европе, сохранялось на протяжении 1921 г. Так, летом британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж обвинил Польшу в «ненормальности условий в Восточной Европе», отмечая, что поляки долж-

ны очистить земли восточнее «линии Керзона»¹⁹. В унисон с высказыванием премьер-министра звучала информация появлявшихся в тот период в британской прессе заметок²⁰.

Действительно, после заключения Рижского мирного договора в отношениях между Польшей и советской Россией сохранялось значительное напряжение, когда обе стороны не исключали возможности возобновления военных действий, по крайней мере, весной 1921 г. В регионе развернулся новый этап польско-советской борьбы за укрепление своих позиций в Центрально-Восточной Европе [5, с. 10–41]. Об этих обстоятельствах в своих донесениях постоянно писал в Лондон чрезвычайный посланник в Варшаве У. Макс-Мюллер, сообщая о содержании нот со взаимными обвинениями, которыми летом и осенью 1921 г. обменивались польская и советская стороны²¹. Доносил он и о происходивших конфликтах, например о поддержке антибольшевистской акции в Подолье бывшими участниками выступления Петлюры, пришедшими с польской территории Восточной Галиции, что дало повод для наступления польских войск²². Подобные сообщения подогревали опасения, что спрогнозированный У. Черчиллем *casus belli* в районе рижской границы может быть реализован. Только в декабре 1921 г. от У. Макс-Мюллера стала поступать информация о преодолении ряда разногласий между польской и советской сторонами, свидетельством чему являлось высказанное ими стремление к заключению торгового соглашения²³.

Подготовка к международной конференции с участием советской России, активно развернувшаяся с начала 1922 г., вызвала у Польши надежды на то, что в ближайшее время удастся преодолеть скептическую оценку итогов рижского территориального размежевания и положительно решить вопрос о международном признании рижской границы. Обнадеживали польское министерство иностранных дел донесения его представителя в Лондоне Я. Цехановского. Он сообщал, что глава Северного департамента британского ведомства иностранных дел, курирующего политику в отношении Восточной Европы, Дж. Д. Грегори назвал Генуэзскую конференцию хорошим случаем для признания Рижского мира²⁴. Благоприятным для Польши

¹⁸The military situation in Russia, Caucasia, Turkey and Greece. Memorandum by the Secretary of State for War. 19 February 1921 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7737111#image> (date of access: 04.01.2021).

¹⁹Нар. арх. Респ. Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 179. Л. 7.

²⁰Там же. Д. 125. Л. 70.

²¹Foreign countries report No. 51, 7 September 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large-cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021); Foreign countries report No. 52, 21 September 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021); Foreign countries report No. 55, 2 November 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²²Foreign countries report No. 55, 2 November 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large-cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²³Foreign countries report No. 59, 28 December 1921 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large-cab-24-155.pdf> (date of access: 12.01.2021).

²⁴Arch. Akt Nowych. Z. 463. Sygn. 59. S. 109–111.

казалось также содержание текста меморандума Форин-офиса по проблеме договоров с Россией, представленного весной 1922 г. В нем указывалось, что во внешнеполитические интересы Великобритании вписывается признание Рижского мирного договора 1921 г. Оно позволяло реализовать право союзников на определение восточных границ Польши и сделать шаг к определению международного статуса Восточной Галиции, оставляя ее в границах Польши [8, р. 288–296]. В целом в среде Кабинета появилось мнение о том, что «принятие договоров между Польшей и Балтийскими странами с одной стороны и Россией с другой стороны поспособствовало бы миру и восстановлению Европы» [9, р. 450–451].

Однако в канун Генуэзской конференции в правительственные кругах Великобритании рижская граница по-прежнему оценивалась как чрезмерно увеличивающая территорию Польши и являющаяся источником нестабильности в Европе. Подобные оценки неоднократно встречаются в британской прессе того времени. Например, краковская газета «Часть», основываясь на анализе британской прессы, в феврале 1922 г. писала: «Англия продолжает настаивать на том, что Польша простирается только по Сану и Бугу, и верить, что рижская граница не удержится. [...] Англия считает теперешние польские границы временными, и перемена их в будущем неизбежна. [...] Рижский мир будет пересмотрен»²⁵. Можно привести также выдержку из британского журнала «Нью стейтсмен»: «Польша уже сегодня владеет огромным пространством, однако виды на то, чтоб она могла его удержать хотя бы в течение одного десятилетия, очень малы...»²⁶ Сохранению такой оценки способствовала и поступавшая из региона Центрально-Восточной Европы информация. Так, в начале марта, как отмечал Форин-офис в своем ежемесячном отчете, пришло сообщение, что Л. Троцкий в воззвании к армии и флоту обратил внимание на отсутствие уверенности в безопасности советских границ в условиях откладывания сроков проведения конференции в Генуе²⁷.

Осознавая необходимость укрепить свои позиции в вопросе о признании рижской границы ввиду очевидной оценки ее британскими правительственными кругами как крайне ненадежной и неустойчивой, Польша в канун возможной постановки данного вопроса на Генуэзской конференции попыталась заручиться поддержкой стран Балтии:

17 марта 1922 г. в Варшаве было подписано соглашение между Польшей, Эстонией, Латвией и Финляндией, в соответствии с которым названные страны взаимно признавали мирные договоры с РСФСР и обязывались совместно вырабатывать меры по противодействию потенциальной агрессии²⁸. Однако назвать этих союзников надежными для Польши в вопросе о признании рижской границы не представляется возможным. При выработке своей позиции они, очевидно, учитывали позицию британского Кабинета. Так, министр иностранных дел Финляндии, перед тем как поставить в финском парламенте вопрос о ратификации Варшавского соглашения, обратился с запросом к Великобритании о ее намерении признать «границу, определенную русско-польским мирным договором»²⁹. В итоге, как известно, Финляндия не присоединилась к сделанному в ходе рижского совещания 29–30 марта представителями Польши, Эстонии, Латвии и РСФСР заявлению о строгом выполнении обязательств по двусторонним договорам [11, с. 173–175].

Готовясь к участию в Генуэзской конференции, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж в ходе мартовских заседаний Кабинета не мог не затронуть вопрос о польско-советской границе в рамках обсуждения возможности признания правительства РСФСР. Он по-прежнему придерживался мнения, что мира на границе Советского государства с Польшей не было. При этом премьер-министр подчеркивал важность восстановления торговли с Россией для нормализации экономической жизни, указывая, что подготовка и подписание общеевропейского пакта в ходе предстоящей конференции могли бы поспособствовать стабилизации ситуации в регионе, согласию стран, заключивших локальные соглашения на «уважение границ». Однако обязательства о гарантиях территориальной целостности восточноевропейских государств со стороны союзных держав не предполагались³⁰. В ходе встречи с польским министром иностранных дел К. Скирмунтом Д. Ллойд Джордж даже не отрицал возможности дебатов по вопросу границ Польши в ходе предстоящей международной конференции [13, с. 168–169]. Такая позиция премьер-министра была, видимо, хорошо известна в британском внешнеполитическом ведомстве. В связи с этим в Форин-офисе польским представителям рекомендовали в Генуе избегать постановки особо острого вопроса о Восточной Галиции

²⁵ НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 212. Л. 26.

²⁶ Там же. Л. 34.

²⁷ Foreign countries report No. 64, 8 March 1922 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732217> (date of access: 18.01.2021).

²⁸ Материалы Генуэзской конференции (подготовка, отчеты заседаний, работы комиссии, дипломатическая переписка и пр.) / ред.-сост. Г. Б. Сандомирский ; Нар. комиссариат по иностр. делам. М., 1922. С. 148.

²⁹ Foreign countries report No. 66, 5 April 1922 [Electronic resource]. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7732219> (date of access: 18.01.2021).

³⁰ Conclusions of a Conference of Ministers held in the Lord Privy Seal's Room, House of Commons, on Monday, 27 March 1922, at 6-30 p. m. [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-23-29.pdf> (date of access: 18.01.2021).

как отдельного, так как это «опасно», предостерегая при этом, что предложить поднятие данного вопроса может сам глава Кабинета³¹.

В период Генуэзской конференции Польше приходилось постоянно подчеркивать, что восточная граница страны является законной, ее линия обозначена в Рижском мирном договоре. Об этом в британское внешнеполитическое ведомство писал польский представитель в Лондоне, отмечая, что союзные державы призваны только санкционировать этот результат польско-советского договора³². Однако ход конференции показывает, что Великобритания, прежде всего в лице ее премьер-министра, не расценивала рижскую границу как окончательное решение вопроса о восточной границе Польши. Например, 24–25 апреля в беседах с главой французской делегации Ж.-Л. Барту Д. Ллойд Джордж отмечал, что требуется еще урегулировать ряд вопросов, «среди которых – восточные границы Польши и Восточная Галиция»³³. Вместе с тем глава британского Кабинета допускал, что можно принять линию границы, указанную в тексте Рижского мирного договора. «Если Россия приняла ее, не дело союзников противиться»³⁴. Однако сохранялась оценка восточногалицийского участка границы как слабого звена в системе послевоенного урегулирования в Центрально-Восточной Европе. Этому способствовали периодически появлявшиеся заявления со стороны РСФСР. Так, в письме Г. Чичерина К. Шанцеру от 30 апреля факт польского присутствия в Восточной Галиции был представлен как «военная оккупация чужих территорий», которая повлечет «восстания и кровопролитные военные операции» [11, с. 281].

Озвученные в Генуе делегацией Великобритании оценки ситуации в регионе рижской границы, ее подход к вопросу о восточных границах Польши как к неурегулированной проблеме международных отношений подталкивали польских делегатов постоянно обращать внимание участников конференции на факт существования Рижского мирного договора, который документально закрепил линию восточных границ польского государства. Так, при-

соединяясь к итоговой декларации стран – участниц Генуэзской конференции, представитель Польши специально отметил в своем выступлении, что польское правительство присоединяется с оговоркой: «...обязательства, налагаемые на Россию и Польшу Рижским договором, должны оставаться в силе»³⁵.

На протяжении 1922 г. рижская граница продолжала рассматриваться британскими политиками как регион повышенной опасности. Обозначались следующие факторы, обострившие там ситуацию: голод и разруха, порождавшие беженство, бандитизм и мародерство; наличие значительных вооруженных сил по обе стороны польско-советской границы, которое, по словам Д. Ллойд Джорджа, было «опасно с чисто военной точки зрения, поскольку, как показывает опыт, если конфликты ожидаются на беспокойных границах, то они обязательно произойдут»³⁶. Актуализировали такую оценку и заявления политиков Польши на международной арене, которые, пытаясь добиться помощи и гарантii со стороны европейских держав, подчеркивали, что Россия «оставалась вне Лиги Наций и отказывалась брать на себя какие бы то ни было обязательства в отношении развязывания новых войн». Характеризуя ситуацию на рижской границе, они отмечали, что «фактическая граница между Польшей и советской Россией простирается на 1072 километра, из которых едва ли 300 километров – то есть менее трети – в Полесье обеспечивают какую-либо естественную оборону. Польша обладает лишь малой частью даже этой последней территории, которая, благодаря своим болотам, могла бы образовать для нее сравнительно защищенную пограничную область. Большая его часть находится в России, что значительно снижает его ценность с точки зрения стратегической обороны. [...] Россия, в отличие от Польши, действительно может использовать свою часть Полесья для наступательных операций, потому что она имеет там железную дорогу, которая разделяет Полесье с севера на юг, а также несколько очень удобных естественных путей»³⁷. В заявлениях польских политиков подчеркивалась значимость роли Польши

³¹ Arch. Akt Nowych. Z. 463. Sygn. 59. S. 117–136.

³² Ibid. Sygn. 60. S. 57–60.

³³ Note of conversations between Sir Maurice Hankey and Sir Cecil Hurst and M. Seydoux and M. Fromageot on Monday and Tuesday, 24 and 25 April 1922 [Electronic resource] // Genoa conference. Notes of conversations. S. G. Series. P. 76. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021).

³⁴ Notes of a conversation between Mr. Lloyd George and Dr. Benes, at the Villa d'Albertis, Genoa, on Wednesday, 26 April 1922, at 11–15 a.m. [Electronic resource] // Ibid. P. 89. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021); Note of a conversation between Mr. Lloyd George (who was accompanied by Sir Maurice Hankey) and M. Barthou (who was accompanied by M. Lamirault and M. Gamarlinck), at the Hotel Miramare, Genoa, on Tuesday, 2 May 1922, at 10 a. m. [Electronic resource] // Ibid. P. 128–132. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/SearchUI/Details?uri=C4210062> (date of access: 18.01.2021).

³⁵ Provisional verbatim record. Third plenary session. 19 May 1922 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-136.pdf> (date of access: 18.01.2021).

³⁶ Foreign countries report No. 71, 14 June 1922 [Electronic resource]. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-155.pdf> (date of access: 18.01.2021).

³⁷ Statements by various countries on the considerations relative to the requirements of their national safety, international obligations, geographical situation and special conditions [Electronic resource] // List of Cabinet papers, No. 4201–4300 inclusive. P. 92–93. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf> (date of access: 20.01.2021).

по защите рижской границы для европейской безопасности: «Польша по праву гордится своей исторической ролью защитника западной цивилизации и достижениями в деле противостояния опасностям вторжения и войны. <...> Чтобы играть свою роль защитника, она вынуждена постоянно прилагать усилия и приносить постоянные жертвы»³⁸. Идея о том, что рижская граница не просто граница между государствами, а еще и своеобразный общеевропейский западный рубеж, не была чужда и отдельным представителям правительственные кругов Великобритании, особенно тем, кто был ближе знаком с польскими реалиями. Например, весной 1923 г., когда в связи с участием Великобритании в международном признании восточных границ Польши конференцией послов произошел всплеск внимания членов британского парламента к этой проблеме, лорд Треовен, член палаты лордов, посещавший Польшу осенью 1922 г., говорил в своей речи в палате о том, что польско-советская граница – это «нравственная граница, простирающаяся по всему региону, на восточной стороне которой не было ничего, кроме грабежа и хаоса, тогда как с западной стороны существовал закон и порядок, мир и защита жизни и имущества»³⁹. Однако и такая оценка не подталкивала официальный Лондон к какому-либо участию в защите рижской границы: в середине марта 1923 г. глава внешнеполитического ведомства Великобритании специально указал польскому министру иностранных дел на то, что признание восточных границ Польши не означает обязательств по их гарантии [9, р. 807–809].

На протяжении 1924 г. в условиях признания Великобританией правительства СССР де-юре тема рижской границы не поднималась остро в среде британских политиков, но в начале 1925 г., когда активно обсуждался вопрос о ратификации Женевского протокола Великобританией, вновь стали звучать оценочные суждения о ситуации в регионе Центрально-Восточной Европы. В основном они носили довольно общий характер. Например, британский дипломат Г. Никольсон в подготовленном им по заданию Кабинета анализе европейской ситуации в феврале 1925 г. писал, что Россия «нависает, как грозовая туча, на восточном горизонте Европы – надвигающаяся, невесомая, но в настоящее время отдаленная». Автор признавал, что «шаткое положение Польши... по отношению не только к Германии, но и к России представляло собой

элемент... дополнительной тревоги». При этом он говорил о том, что система безопасности в Европе должна быть построена, «невзирая на Россию», так как ее будущее развитие непредсказуемо⁴⁰. Более конкретные оценки давал бывший премьер-министр Д. Ллойд Джордж. Он характеризовал Рижский мир как «взрывоопасное соглашение», а территории, вошедшие в состав польского государства благодаря его заключению, – Восточную Галицию, Беларусь – сравнивал с Эльзасом и Лотарингией. Бывший британский премьер-министр выступал резко против ратификации Женевского протокола, поскольку в нем предусматривалось применение санкций в случае, если государство, не являющееся членом Лиги Наций и вступившее в конфликт с государством – участником протокола, откажется подчиниться предусмотренной им процедуре. Одной из наиболее вероятных зон конфликта, в который в таком случае окажется втянута Великобритания, он считал регион рижской границы: «Предположим, что Россия восстанавливается, а революционные страны, когда они восстанавливаются, склонны быть очень крайними националистами... и Россия требует назад свои потерянные территории. Она говорит: “Я хочу Беларусь”. Затем вопрос передается на рассмотрение Совета Лиги, и они назначают третейский суд. Первое, что происходит, – это то, что Рижский договор, который был принят нами очень некстати, в марте 1923 года... этот договор накладывает на нас обязательства. Польша говорит: “Это граница. Если вы хотите обсудить вопрос толкования Рижского договора, мы вполне готовы передать его на арбитраж”. Россия скажет: “Нет вопроса о толковании. По Рижскому договору эти территории, несомненно, закреплены за вами. Но мы хотим проверить, правильно ли, что миллионы русских должны находиться под властью Польши”. Что же происходит? Мы обязаны, если подпишем протокол, использовать наши силы для ведения войны. Это действительно то, чего мы хотим?»⁴¹ Ответ на этот вопрос британского политика можно найти в меморандумах, которые в рассматриваемое время появлялись из-под пера сотрудников Форин-офиса и других представителей правительственные кругов Великобритании. Например, в ходе указанной дискуссии в феврале 1925 г. Р. Сесил в представленном в Кабинет меморандуме писал: «Наиболее важным аспектом для нас является безопасность западных стран, и в особенности Фран-

³⁸Statements by various countries on the considerations relative to the requirements of their national safety, international obligations, geographical situation and special conditions [Electronic resource] // List of Cabinet papers, No. 4201–4300 inclusive. P. 93–94. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-139.pdf> (date of access: 20.01.2021).

³⁹Eastern frontiers of Poland. 16 May 1923 [Electronic resource]. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/lords/1923/may/16/eastern-frontiers-of-poland> (date of access: 21.01.2021).

⁴⁰British policy considered in relation to the European situation. Memorandum by Mr. Harold Nicolson, of the Foreign Office, prepared in pursuance of directions from the Secretary of State. 20 February 1925 [Electronic resource] // Cabinet papers, Nos. 101(25)–200(25). P. 73–75. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf> (date of access: 21.01.2021).

⁴¹British policy. 24 March 1925 [Electronic resource]. URL: http://hansard.millbanksystems.com/commons/1925/mar/24/british-policy#s5cv0182p0_19250324_hoc_423 (date of access: 21.01.2021).

ции и Бельгии и, возможно, Голландии, поскольку именно с их территории легче всего можно было бы начать нападения на нас с воздуха и моря. <...> Поэтому мы не можем сделать много, если вообще что-либо, чтобы гарантировать безопасность Центральной и Восточной Европы. <...> Вполне разумно, что основное бремя обеспечения безопасности этих территорий должно быть возложено на плечи тех стран, которые в этом более непосредственно заинтересованы. <...> Если эта точка зрения будет

принята, то общая линия политики будет заключаться в том, чтобы мы взяли на себя определенные и конкретные обязательства по отношению, скажем, к Франции, Бельгии и Германии, оставляя безопасность Польши, например, на попечение центральноевропейских государств, может быть, с помощью Франции⁴². Отказ Великобритании от ратификации Женевского протокола показывает, что именно эта линия в политике Великобритании возобладала в первой половине 1920-х гг.

Заключение

В канун рижских мирных переговоров притязания Польши на земли, расположенные восточнее линии, указанной в декларации союзников в декабре 1919 г., негативно оценивались представителями британских правительственные кругов. Последовательно скептически оценивалось и решение вопроса о территориальном размежевании между Польшей и советской стороной в рамках Рижского мирного договора, состоявшееся в условиях временной слабости РСФСР. Линия рижской границы не рассматривалась как стабильная, окончательно принятая сторонами, подписавшими мирный договор в марте 1921 г. В связи с этим в среде политиков Великобритании сохранялось опасение нового витка вооруженной борьбы в Центрально-Восточной Европе. С начала 1922 г. в условиях подготов-

ки к международной конференции с участием советской России в британских политических кругах рассматривалась возможность урегулирования ситуации в регионе рижской границы путем заключения некоего общеевропейского пакта с участием РСФСР. При этом не исключался пересмотр линии рижской границы с учетом позиции советской стороны. После Генуэзской конференции польско-советская граница продолжала оцениваться в Великобритании как потенциальная угроза для мира в Европе, однако попытки Польши, используя подобные оценки, получить британские гарантии своей восточной границы оказались безуспешными. Наоборот, нестабильность в регионе рижской границы стала одним из доводов для британских политиков, выступавших против ратификации Женевского протокола 1924 г.

Библиографические ссылки

1. Коваленя АА, Данилович ВВ, Боровская ОН, Вабищевич АН, Валаханович ИА, Великий АФ и др. *Рижский мир в судьбе белорусского народа, 1921–1953 гг. Книга 1*. Коваленя АА, Данилович ВВ, Жилинский МГ, Костюк МП, Лакиза ВЛ, Литвин АМ и др., редакторы. Минск: Беларуская навука; 2014. 593 с.
2. Торкунов АВ, Ротфельд АД, редакторы. *Белые пятна – черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях*. Москва: Аспект Пресс; 2017. 823 с.
3. Вялікі АФ, Космач ГА, Лазько РР, Сакалоўскі УЛ, Салькоў АП, Снапкоўскі УЕ і інш., складальнікі. *Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржав (1914–1991 гг.): зборнік дакументаў і матэрыялаў. Том 1. 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. Частка 1. 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг.* Мартынаў СМ, Шарапа АВ, Снапкоўскі УЕ, Космач ГА, Лазько РР, Салькоў АП і інш., редактары. Мінск: Юніпак; 2008. XLII, 539 с.
4. Мезга НН. *В тисках Рапалло: германский фактор в польско-советских отношениях 1921–1926 годов*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2010. 198 с.
5. Мезга НН. *Советско-польские отношения 1921–1926 годов: новый этап противостояния*. Гомель: Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; 2019. 229 с.
6. Woodward EL, Butler R, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 3*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1949. LXXX, 909 p.
7. Butler R, Bury JPT, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 11*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1961. LXXVI, 748 p.
8. Medlicott WN, Dakin D, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 19*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1974. XLV, 1138 p.
9. Medlicott WN, Dakin D, Bennett G, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 23*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1981. CXIV, 1054 p.
10. Хренов ИА, Гонсеровская-Грабовская Н, редакторы. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том 2. Ноябрь 1918 г. – апрель 1920 г.* Москва: Наука; 1964. 724 с.
11. Богомолов АЕ, Гафуров БГ, Ершов ПИ, Лаврентьев АИ, Лезин ВВ, Шатагин ИИ, редакторы. *Документы внешней политики СССР. Том 5. 1 января 1922 г. – 19 ноября 1922 г.* Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. 808 с.

⁴²Reduction of armaments. Protocol for the pacific settlement of international disputes. French and Belgian security. Memorandum by the Right Hon. Viscount Cecil of Chelwood, K. C. [Electronic resource] // Cabinet papers, Nos. 101(25)–200(25). P. 100–101. URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-172.pdf> (date of access: 21.01.2021).

12. Nowak-Kiełbikowa M. *Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe; 1975. 444 s.
13. Nowak-Kiełbikowa M. *Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata*. Warszawa: Neriton; 1998. 367 s.

References

1. Kovalenya AA, Danilovich VV, Borovskaya ON, Vabishchevich AN, Valakhanovich IA, Velikii AF, et al. *Rizhskii mir v sud'be belorusskogo naroda, 1921–1953 gg. Kniga 1* [The Peace of Riga in the fate of Belarusian people, 1921–1953. Book 1]. Kovalenya AA, Danilovich VV, Zhilinskii MG, Kostyuk MP, Lakiza VL, Litvin AM, et al., editors. Minsk: Belaruskaja navuka; 2014. 593 p. Russian.
2. Torkunov AV, Rotfel'd AD, editors. *Belye pyatna – chernye pyatna: slozhnye voprosy v rossiisko-pol'skikh otnosheniakh* [White spots – black spots: complex issues in Russian-Polish relations]. Moscow: Aspekt Press; 2017. 823 p. Russian.
3. Vjaliki AF, Kosmach GA, Laz'ko RR, Sakalowski UL, Sal'kow AP, Snapkowski UE, et al., compilers. *Belarus' u palitycy susednih i zahodnih dzjarzhaw (1914–1991 gg.): zbornik dokumentow i materyjalow. Tom 1. 1 zhniwnja 1914 – 18 sakavika 1921 gg. Chastka 1. 1 zhniwnja 1914 – 31 snezhnja 1919 gg.* [Belarus in the politics of neighboring and Western states (1914–1991): a collection of documents and materials. Volume 1. 1914 August 1 – 1921 March 18. Part 1. 1914 August 1 – 1919 December 31]. Martynaw SM, Sharapa AV, Snapkowski UE, Kosmach GA, Laz'ko RR, Sal'kow AP, et al., editors. Minsk: Junipak; 2008. XLII, 539 p. Belarusian.
4. Mezga NN. *V tiskakh Rapallo: germanskii faktor v pol'sko-sovetskikh otnosheniakh 1921–1926 godov* [In the grip of Rapallo: the German factor in Polish-Soviet relations 1921–1926]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2010. 198 p. Russian.
5. Mezga NN. *Sovetsko-pol'skie otnosheniya 1921–1926 godov: novyi etap protivostoyaniya* [Soviet-Polish relations of 1921–1926: a new stage of confrontation]. Gomel: Francisk Skorina Gomel State University; 2019. 229 p. Russian.
6. Woodward EL, Butler R, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 3*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1949. LXXX, 909 p.
7. Butler R, Bury JPT, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 11*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1961. LXXVI, 748 p.
8. Medlicott WN, Dakin D, Lambert ME, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 19*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1974. XLV, 1138 p.
9. Medlicott WN, Dakin D, Bennett G, editors. *Documents on British foreign policy, 1919–1939. First series. Volume 23*. London: Her Majesty's Stationery Office; 1981. CXIV, 1054 p.
10. Khrenov IA, Gonserovskaya-Grabovskaya N, editors. *Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-pol'skikh otnoshenii. Tom 2. Noyabr' 1918 g. – aprel' 1920 g.* [Documents and materials on the history of Soviet-Polish relations. Volume 2. 1918 November – 1920 April]. Moscow: Nauka; 1964. 724 p. Russian.
11. Bogomolov AE, Gafurov BG, Ershov PI, Lavrent'ev AI, Lezin VV, Shatagin II, editors. *Dokumenty vneshej politiki SSSR. Tom 5. 1 yanvarya 1922 g. – 19 noyabrya 1922 g.* [Documents of the foreign policy of the USSR. Volume 5. 1922 January 1 – 1922 November 19]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. 808 p. Russian.
12. Nowak-Kiełbikowa M. *Polska-Wielka Brytania w latach 1918–1923. Kształtowanie się stosunków politycznych*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe; 1975. 444 s.
13. Nowak-Kiełbikowa M. *Konstanty Skirmunt: polityk i dyplomata*. Warszawa: Neriton; 1998. 367 s.

Статья поступила в редакцию 28.01.2021.

Received by editorial board 28.01.2021.